

Концепция современной российской религиозности

Научный руководитель – Пруцкова Елена Викторовна

Маркин Кирилл Васильевич

Аспирант

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Богословский факультет,
Кафедра философии религии и религиозных аспектов культуры, Москва, Россия

E-mail: markink20@gmail.com

Большая часть населения России относит себя к православному вероисповеданию. Уже с 2002 г. данный показатель не опускался ниже 50% [3, 7, 8], а в 2011 г. достиг одного из своих максимальных значений и составил 78% (согласно опросу «Ортодокс монитор»). При этом продолжается дискуссия российских социологов об интерпретации этих данных. Проблема состоит в том, что 60-70% населения, называя себя православными, либо вообще не практикуют, либо сводят религиозную практику до редких эпизодов. В жизни таких православных религиозность никак не влияет на нормы и ценности, а вслед за этим - и на повседневную жизнь [2]. В российской социологии религии существуют два подхода к интерпретации подобных результатов. Сторонники первого подхода (Зоркая Н. А., Филатов С. Б., Лункин Р. Н., Фурман Д. Е., Каарияйнен К.) трактуют православную самоидентификацию как принадлежность без религиозности. Они настаивают на том, что доля действительно религиозного населения чрезвычайно мала, а самоназвание православным для большинства респондентов опосредовано культурной традицией [4], политической ангажированностью [5] или национальной идентичностью [7] и исключает действительно религиозный контекст. Сторонники второго подхода (Чеснокова В. Ф., Синелина Ю. Ю.) посредством индекса воцерковленности пытаются обнаружить церковно-ориентированную религиозность у большинства респондентов [3, 8]. Их тезис заключается в том, что даже респонденты с низкой частотой церковных практик не чужды церковно-ориентированной религиозности. Таким образом, мы имеем 2 противоположные интерпретации сложившегося в России религиозного поля.

Для прояснения данной ситуации были проанализированы результаты всероссийского опроса «Ортодокс Монитор», проведенного в 2011 году. Исследуемой совокупностью является городское и сельское население РФ в возрасте от 18 лет. Опрос проводился на территории 44 субъектов РФ, более чем в 100 населенных пунктах. Объем выборки составляет 1500 респондентов. Для анализа были отобраны респонденты, утвердительно ответившие на вопрос о принадлежности к православному вероисповеданию, но при этом никогда или почти никогда не посещающие церковь. Таких респондентов среди всех назвавших себя православными оказалось 23%. Далее было проведено сравнение ответов на вопрос о причинах, по которым они не ходят в церковь, с ответами, указанными респондентами, не относящими себя ни к какому вероисповеданию. Всех респондентов, не посещающих церковь, в исследовании просили продолжить утверждение «Я не хожу в церковь (храм Русской Православной Церкви), потому что...».

Анализ показал, что респонденты, называющие себя православными, но не посещающие церковь, характеризуются не отсутствием религиозности и не слабой степенью воцерковленности, а своим уникальным типом религиозности, который, вероятно, фреймирован институциональным православием и христианским учением в целом. Результаты анализа заставляют усомниться в простых однозначных интерпретациях современной российской религиозности и поставить под сомнение часть классических инструментов ее измерения,

например измерение частот различных религиозных практик. Данный метод хорошо выявляет классическую христианскую религиозность, однако если предположить, что тезис Т. Лукмана [6] о трансформации институциональных религий непосредственно в данный момент реализуется в России, то классическое православие перестает быть предиктором религиозного мировоззрения, а значит, инструменты его измерения перестают быть актуальными для большей части населения.

Пытаясь переосмыслить современную российскую религиозность и предложить свои варианты ее типологизации, мы обратились к идеям Лукмана. В дополнении к третьему изданию «Невидимой религии» Лукман пишет о трех уровнях трансценденций, за которыми стоят три разные реконструкции мира/реальности («объективных» и морально значимых смыслов). Малые трансценденции характеризуются неопытом возможного опыта, средние - опосредованным познанием опыта другого, большие - непознаваемой, вневсегодневной реальностью [1].

Основываясь на трех уровнях трансцендирования, мы предлагаем пять типов религиозности, актуальных для России. Так, большие и малые трансценденции будут соответствовать каждый своему типу религиозности, а средние трансценденции - трем типам. Сами трансформации институциональной религиозности мы попробуем показать на примере понятий, референтных Богу как чему-то сакральному и трансцендентному, и греху, как чему-то оскверняющему сакральность и препятствующему трансцендированию.

I тип. «Церковно-ориентированная религиозность». Классическое православие, характеризующее верой в трансцендентного Бога. Хула на Бога является непрощаемым грехом. Вера в Бога выступает актом трансцендирования.

II тип. «Гражданская религиозность». В этой религиозной системе носитель власти не может согрешать (так же, как Бог), любое его действие оправдано. Грех - это политическое предательство, равно как хула на Бога в институциональной религии. Верность идеологии как акт трансцендирования в некую большую социальную общность (например, идеальное государство).

III тип. «Социальная религиозность». Особенностью данного типа религиозности является тяга к сообществу как к таковому, поэтому предполагается, что «верующие» являются активными участниками различных социальных групп (от рабочих коллективов и корпоративной солидарности до различных сообществ по интересам). Сакральным в данном контексте является совокупность правил, по которым существует сообщество. Соответственно, нарушение правил трактуется как грех разрушения солидарности/соборности. Трансцендирование для этого типа религиозности заключается в общем подчинении законам сообщества.

IV тип. «Родовая религиозность». Характеризуется доверием индивида лишь узкому кругу людей, тесно связанных с ним родственными связями. В данном типе чувство безопасности, уверенности (спасения) создается именно семьей. Соответственно «грех» ради семьи грехом не является, так как семья (божество) не подчиняется законам нравственности, а определяет их. Процесс трансцендирования - это некое общее дело, общий проект, позволяющий осознать единение всех участников

V тип. «Индивидуалистическая религиозность». В данном типе сакральным является «Я» индивида. Любые ограничения, наложенные извне и мешающие самореализации и саморазвитию «Я» считаются неприемлемыми (грех), нарушающими сакральность свободы личности. Процесс трансцендирования заключается в самореализации и саморазвитии как способе достижения «истинного знания» о себе и своего рода «бессмертия».

Источники и литература

- 1) Лукман Т. Дополнение к третьему немецкому изданию «Невидимой религии» //

- Социологическое обозрение. 2014. № 1 (13). С. 139–154.
- 2) Пруцкова Е.В. Религиозность и ее следствия в ценностно-нормативной сфере // Социологический журнал. 2013. № 2. С. С. 72-88.
 - 3) Синелина Ю.Ю. Измерение религиозности населения России: православные и мусульмане: суеверное поведение россиян. / Ю.Ю. Синелина, М.: Наука, 2006.
 - 4) Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35–45.
 - 5) Фурман Д.Е., Каарияйнен К. Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий // Общественные науки и современность. 2007. № 2.
 - 6) Luckmann T. The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society. / T. Luckmann, New York: MacMillan Publishing Company, 1967.
 - 7) Зоркая Н.А. Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 2 (100). С. 65–85.
 - 8) Чеснокова В.Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века / В.Ф. Чеснокова, М.: Академический Проект, 2005. 304 с.